

Посвящается 100-летию со дня рождения Сальвадора Дали

Андрей Курейчик

a_kurei@mail.ru

ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ СД И ПП

Пьеса для художника в 3-х актах

Действующие лица:

Сеньор X, он же САЛЬВАДОР ДАЛИ
Сеньор У, он же ПАБЛО ПИКАССО
ПАПИЛЬЯНО, он же все остальные.

Акт Первый.

1.

Пространство чем-то напоминающее холл гостиницы. Папильяно стирает пыль и напевает неаполитанские песенки. Таинственно и эффектно появляется усатый Сеньор Х.

ПАПИЛЬЯНО. Боже мой, сеньор Саль...

Х. Молчи, болван! Это имя не произносится здесь вслух.

ПАПИЛЬЯНО. Вы так напугали меня...

Х. Вырвалось, не обращай внимание. Ещё не оправился от Нью-йоркской кутерьмы...

ПАПИЛЬЯНО. Ах, как я рад вас видеть, сеньор...

Х. Икс.

ПАПИЛЬЯНО. Конечно. Естественно. Логично и неоспоримо. Сеньор Х после стольких лет отсутствия в нашем богом забытом крае.

Х. Я здесь как обычно...

ПАПИЛЬЯНО. Инкогнито – понимаю.

Х. За мной могут следить. Эти... *(Он делает неопределённый жест)*.

ПАПИЛЬЯНО. Понимаю...

Х. Они везде... Везде. А что, сеньор Игрек ещё не прибыл?

ПАПИЛЬЯНО. Боюсь, что нет.

Х. Я так и знал – скотина! Он ещё заставляет меня ждать! Меня – великого... *(Останавливается, чтобы не выдать тайну)*. Папильяно, у меня к вам просьба личного экзистенциального характера...

ПАПИЛЬЯНО. Всё, что угодно.

Х. Всё, что угодно – это потом. А пока передайте ему, что он дрянь, мерзавец, истеричка, подонок и бездарь.

ПАПИЛЬЯНО. Всё?

Х. Вы считаете этого недостаточно?

ПАПИЛЬЯНО. Напротив. Однако это даст ему повод обозвать вас усатой жопой, как это было в прошлый раз.

Х. *(Озадаченно)*. Вы думаете? *(ПАПИЛЬЯНО кивает)*. Хорошо, тогда передайте ему, что он заставил меня страдать, ожидая его в этом чудовищном месте.

ПАПИЛЬЯНО. Он ответит, что ему плевать на ваши страдания и что никто, никакая усатая жопа не будет ему указывать, когда и куда приезжать.

Х. *(Думает)*. Вы правы, ничего не передавайте.

ПАПИЛЬЯНО. А тогда мистер Игрек обязательно спросит, что вы ему передавали. И если я ему отвечу, что ничего, он примет это за неуважение и хамство, и уж точно назовёт вас усатой жо...

Х. Ну ладно, передайте ему мои наилучшие пожелания. Мой номер?

ПАПИЛЬЯНО. Тринадцатый, как обычно.

Х. Я просил, чтобы у меня был аквариум с раками, омарами и лобстерами.

ПАПИЛЬЯНО. Всё сделано.

Х. Не правда ли, членистоногие – самые изящные животные каких только создавала природа?

ПАПИЛЬЯНО. Это очевидно, сеньор.

Х. Вы бы хотели стать омаром?

ПАПИЛЬЯНО. Это сложный философский вопрос. В какой-то степени, да...

Х. Вспомните про их усы!

ПАПИЛЬЯНО. А, ну тогда – конечно. Да и только да!

Х. В сущности, вы не совсем конченный человек.

ПАПИЛЬЯНО. Спасибо. Ваши слова – бальзам на мою измученную душу. Вы же знаете какое сейчас время: доходы уменьшаются, люди мельчают, любовь уходит, искусство перестаёт волновать...

Х. Всё это ничто, пока есть я! И омары! (*Уходит*).

2.

Только он уходит, откуда-то из укрытия появляется сеньор У.

У. Ушёл?

ПАПИЛЬЯНО. Да.

У. Слушай, какой позёр. Важный, надутый – «Всё это ничто, пока есть я! И омары!» Ну разве не усатая жопа?

ПАПИЛЬЯНО. Мне кажется, сеньор Х очень расстраивается, когда вы его так называете.

У. Не думаю. Мне кажется, что в его представлении прилагательное «усатый» может облагородить и преобразить в нечто прекрасное любую гадость.

ПАПИЛЬЯНО. Но он...

У. Кокетка! Просто элементарная кокетка. Я таких тысячами видел в Париже. Подходишь к такой и говоришь: «мадам, позвольте поцеловать вашу киску». «Фу, какой вы грубиян», -- отвечает. А сама прямо задыхается от вожделения.

Правда, бывали и осечки...

ПАПИЛЬЯНО. Стаканчик? (*Наливает*).

У. Папильяно, дружище, как давно мы не выпивали вместе?

ПАПИЛЬЯНО. Очень давно.

У. Разве это правильно?

ПАПИЛЬЯНО. Неправильно. (*Пьют*).

У. Что жена, как дети?

ПАПИЛЬЯНО. Жена умерла.

У. А, жаль. Дай мой ключ.

ПАПИЛЬЯНО. Она просила передать вам, чтобы вы по возможности помогли старшему сыну, ну тому, который на вас похож, поступить в художественную школу. Она сказала у него явные задатки.

У. Она была добрая женщина.

ПАПИЛЬЯНО. Да...

У. Кстати, как её звали?

ПАПИЛЬЯНО. Лусия, сеньор.

У. Конечно, Лусия. Я знал, просто забыл. Из головы вылетело.

ПАПИЛЬЯНО. Бывает.

У. Столько всего и не упомнишь... (*Пауза*). А этого, старшего, который того, на меня...

ПАПИЛЬЯНО. Руис.

У. Руис. Хорошее имя.

ПАПИЛЬЯНО. Ещё стаканчик?

У. Вот умеешь ты уговаривать, Папильяно! (*Пьют*). А что, красотки в вашем местечке не завелись?

ПАПИЛЬЯНО. А я, вы знаете, после смерти жены на женщин стараюсь не смотреть.

У. Чудак, а когда ж ещё смотреть, как ни после смерти жены. При жизни действительно неудобно...

ПАПИЛЬЯНО. Просто в каждом женском личике вижу её черты, и сердце разрывается. (*Вытирает слезу*). Видите, что со мной происходит?

У. Сентиментальный ты человек – в этом твоя слабость, Папильяно. Тем более тебе нужна молоденькая белошвейка. Будете вместе сопли по стене размазывать... И вообще, я пошёл.

ПАПИЛЬЯНО. К завтраку пожелания есть?

У. Есть. Завтракать будем утром.

ПАПИЛЬЯНО. Неожиданное решение.

У. В десять. Вместе с усатой...

ПАПИЛЬЯНО. Я понял. Передам. Обязательно ей... ему передам. (*Уходит*).

3.

Утро. За особым столом сидят X и У.

X. Доброе утро. Как спалось?

У. Как проститутке после тройного рабочего дня.

X. Ну это хорошо. А мне приснился восхитительный квазиэротический фрейдистский кошмар.

У. Любопытно.

X. Что удивительно, его параноидальное развитие породили в моей голове множество странных ассоциаций. Мне казалось, что я усатая...

У. Жопа.

X. Как вы догадались?

У. Ваше определение не оставило никаких сомнений. Меня в вашем сне не было?

X. Только в качестве фаллической мазохистской галлюцинации.

У. Ну это нормально. А у меня вообще нет фантазий, мои сны – это порождение железной логики, которая объясняет мне ночью то, что я не успел понять днём. А так как я их почти не помню, мне вообще на всё это наплевать.

X. Как погода в Париже?

У. В каком плане?

X. В личном...

У. Золотой дождь. Мои картины подсакивают в цене, как негры на Олимпийских играх. Если так дальше пойдёт, через пару лет я смогу купить себе небольшую страну.

X. На деньги поместите свой автопортрет...

У. Между прочим, с удовольствием бы рисовал деньги.

X. Вот он способ обезопасить их от инфляции! Если каждая купюра – произведение искусства, курс всегда будет расти.

У. Вынужден признать, что соскучился по вашим дурацким выкрутасам. Сколько мы не виделись? (*X показывает*). Да... Друг мой, время летит, как взбесившийся табун, сметая всё на своём пути. Ещё недавно у меня были чудесные чёрные волосы. А теперь посмотрите на это? Только посмотрите...

X. Ваша голова всегда выглядела как срамное место. На месте правительства я бы давно запретил вам появляться в обществе без шляпы. Природа делает вам

одолжение, удаляя с головы то, что способно испортить настроение любому эстетически развитому человеку.

У. Вы так думаете?

Х. Конечно.

У. Кто вас научил так делать комплементы? А впрочем, можете не отвечать. Какая у нас программа?

Х. Я не могу ничего обсуждать до тех пор, пока мой желудок не начнёт процесс превращения классического натюрморта в постимпрессионистическую массу.

У. Вы так намекаете на завтрак?

Х. Да.

У. (*Орёт*). Папильяно!!! (*Выходит ПАПИЛЬЯНО*).

ПАПИЛЬЯНО. Желаете позавтракать?

Х. Хватит завтраков! Я требую сегодняк! (*Оба довольно потирают руки*).

4.

ПАПИЛЬЯНО начинает церемонно сервировать стол.

ПАПИЛЬЯНО. Дорогие господа, как всегда, ожидая ваш неожиданный приезд, я взял на себя смелость составить особое меню! Господин Игрек, только для вас, на первое: суп «Реалистическая кадрили» с лучшими танцующими креветками на всём побережье! Только приглядитесь, как потрясающе они двигаются в лёгком рыбном бульоне! «Крошка Зизи», «Клотильда», «Сырок», «Простушка Женестьева» и конечно же неповторимая звезда любой тарелки – Ла Гулю!

У. Потрясающе...

ПАПИЛЬЯНО. А они ещё не танцевали кан-кан.

Х. Дальше!

ПАПИЛЬЯНО. Господин Икс, для вас... Сверхмускулистые улитки в лимонном соусе...

У. Почему у них такой кислый вид?

ПАПИЛЬЯНО. Так ведь лимонном соусе.

Х. Действительно, на вид крепыши. Как удалось достичь такой отличной формы?

У. Насколько я знаю, у моллюсков нет мускулов.

ПАПИЛЬЯНО. Заблуждения! Ретроградные теории отсталых псевдобиологов! Мы разработали особую программу по развитию скрытых физических возможностей улиток и добились потрясающих результатов.

Х. Серьёзно?

ПАПИЛЬЯНО. Мышечная масса увеличилась в семнадцать раз!

У. Папильяно, мне кажется, ты породил монстров.

ПАПИЛЬЯНО. Действительно, особо агрессивных пришлось пристрелить...

Х. На вкус ничего...

У. А я что, буду сидеть и смотреть, как работают челюсти этого чудовища? Слушать этот хруст и чавканье?

Х. Это волшебная музыка – человек не может прожить без неё и дня. Половина войн начиналась ради этой музыки...

У. А вторая половина?

Х. Чмок, чмок, чмок...

У. Я должен был догадаться! Под эту мелодию ночью жил весь Монмартр... Боже, какой оркестр устраивали вагины парижских проституток. Венская опера – просто детский хор по сравнению с ними... Я помню одну, по имени Жоржета, у неё был бас. Когда с ней занимались любовью, квартал думал, что к ним приехал Шаляпин...

Х. Если бы я был Бахом, я бы написал вагинальную кантату! Вы представляете себе этот концерт?

У. Сводное выступление церковного женского хора и ансамбля «улицы красных фонарей». Ох бы я ими подиржировал... Папильяно!

ПАПИЛЬЯНО. Бегу, бегу, бегу... Сеньор Игрек, специально для вас: французское блюдо – плоские бретонские лягушки. По древнему рецепту из поваренной книги Людовика Тринадцатого лягушки были тщательно расплющены под специальным прессом до толщины бумаги, на которой было написано любовное послание короля Людовика к его седьмой любовнице – семнадцатилетней виконтессе Мари Сент Жермен, которая, как известно, изобрела тридцать четыре способа минета.

Х. Ах, эта естественная тяга к изобретательству...

У. Вина!

ПАПИЛЬЯНО. Вино Медичи. Именно в него Екатерина Медичи добавляла яд, когда ей надо было избавиться от надоевшего кавалера или лишнего родственника. *(Наливает)*.

У. Ты уверен, что в эту бутылку она ничего не положила?

ПАПИЛЬЯНО. Абсолютно, моя жена пробовала.

У. Так она же умерла.

ПАПИЛЬЯНО. Да... А я об этом не подумал... *(Смеются)*.

У. Мы просто монстры, бедная...

ПАПИЛЬЯНО. Лусия...

У. Да, да, она самая... Выпьем за неё, по всему виду, была... Ну кем была, тем была. *(Пьют)*.

Х. Великолепное вино, в нём чувствуется пятнадцать веков итальянского искусства. Даже если это вино на три четверти состоит из соков аконита и белладонны, я готов пить его до тех пор, пока оно не заменит кровь в моих жилах...

У. И вы не боитесь смерти?

Х. Смерти? Нет. Для бессмертных, смерть – это экзотика. Я готов рассуждать о ней часами.

У. Зачем так много?

Х. Мне кажется, напиши я теоретический научный труд о сущности смерти, я бы получил Нобелевскую премию по всем номинациям.

У. Вы думаете?

Х. Смерть физическая, химическая, математическая, психологическая и физиологическая... Смерть метафизическая и философская. Смерть в теории Канта и смерть самого Канта. Коммунистическая теория смерти, буржуазная теория смерти. Мелкобуржуазная теория смерти. Смерть по-христиански. Подумайте только, какое огромное поле для исследований, какие возможности для эксперимента...

У. Слишком много экспериментов. Терпеть не могу трупы. И разговоры эти мне не нравятся. Тем более, что я, в отличие от вас, Игрек, не собираюсь жить вечно...

Х. Ну, ну... Не становитесь угрюмым и совершенно не вовремя. Тем более, что сейчас подадут второе. Папильяно! (*Вбегают ПАПИЛЬЯНО*).

ПАПИЛЬЯНО. Уже, уже, уже!

У. Предупреждаю, если ты меня сейчас не удивишь, я плюну тебе в рожу, Папильяно, и больше порога не переступлю твоего вонючего притона...

ПАПИЛЬЯНО. Понимаю... Поэтому специально для вас: крольчиха-потаскуха. Запечённая с сельдереем и лавровым листом, перед тем как попасть к нам на вертел, она отдалась ста восемнадцати кроликам самцам.

Х. Она должна была взорваться...

ПАПИЛЬЯНО. Мы её спасли за мгновение до детонации.

У. Мясо должно быть мягким. Чем больше женщина занимается любовью, тем она становится нежнее и ласковей. Честное слово, иногда только страх тюрьмы удерживал меня от того, чтобы не впиться с утрица в какой-нибудь нежнейший филей зубами...

Х. Меня эти животные страсти не волнуют. Великий Икс разработал свою, иксианскую теорию наслаждений. Мне, наконец, удалось раскрыть истинную природу эротизма и сексуального влечения.

У. Боже, и в чём же она?

Х. В усах!

У. В усах?

Х. Именно! Ни в каком другом органе человеческого тела. В усах. И только в усах! Я долго и трудно шёл к этому выводу. Пришлось проделать сотни, тысячи экспериментов, прежде чем подтвердился очевидный и непреложный факт. Ничто не способно принести столько наслаждения женщине, как длинные, завитые усы...

У. Пардон, и как вы ими пользуетесь?

Х. Где?

У. В постели.

Х. По их прямому назначению...

У. Да, мне кажется, я начинаю себе это представлять.

Х. Друг мой, поверьте моему опыту, нет зрелища более возбуждающего женщину, чем голый мужчина с торчащими вверх усами.

У. Я обходился торчанием традиционных органов.

Х. Папильяно!

ПАПИЛЬЯНО. Специально для вас, господин Икс, прямо из индийского океана: омары-интеллектуалы. Перед тем как свариться заживо, эти омары прослушали курс лекций по греческой и немецкой философии, истории и стихосложению. Прошу обратить внимание, в эту тарелку были допущены только самые развитые, самые эрудированные омары!

Х. Действительно, хватит этого невежества. Да здравствует классическое образование!

5.

Многочасовая трапеза подходит к концу.

У. Чёрт побери, ещё одно блюдо, и я лопну.

Х. А я ещё немного и точно превращусь в одну огромную, усатую задницу, и тогда...

У. Ой не надо.

Х. Я понимаю...

У. Не надо, я тебя умоляю. Когда я обзывал тебя усатой жопой, я и не представлял как страшно это может быть в реальности.

ПАПИЛЬЯНО. Десерт нести?

Х и У. Нет!

ПАПИЛЬЯНО. Могу предложить страусовые перья. Старый добрый римский обычай...

У. Уходи, Папильяно, уходи. Не надо перьев, не надо десерта, вообще ничего не надо.

Х. Действительно, подари нам час уединения. Великим людям есть о чём поговорить после долгой разлуки.

ПАПИЛЬЯНО. Конечно, я понимаю... Приятного вам вечера. Если что, я рядом. *(Исчезает)*.

У. Ну и...

Х. Что, «ну и»?

У. Ну и о чём мы будем разговаривать?

Х. Что это за хамские интонации?

У. Тише, тише... Вот шуметь сейчас не надо. А то у тебя может извержение произойти, несанкционированное...

Х. Ничего, с точки зрения Иксианской теории...

У. Не надо теории. И честно говоря, мне уже вот здесь все эти Иксы и Игреки! Какой-то математический конгресс... Можно мне, наконец, называться так, как меня назвали мама и папа – Пабло Руис Пикассо!

Х. Звучит, как кусок каталонской рубленной ветчины. Плоско и угловато, но не без задора. Иное дело Сальвадор Дали – все достижения мировой поэтической мысли чудесным образом заключены в этих словах.

ПИКАССО. Так уж и все...

ДАЛИ. Абсолютно. Хотите «Божественную комедию» Данте в двух словах – пожалуйста – Сальвадор Дали. Гёте «Фауст» -- ещё проще – Сальвадор Дали. Верлен – достаточно просто Сальвадор. А для твоего френд Аполлинера хватит любой буквы второго слога...

ПИКАССО. Это была бы самая короткая хрестоматия по мировой литературе.

ДАЛИ. Зато самая полная.

ПИКАССО. Нет... Заводить сейчас разговоры о поэзии, -- тоже самое, что признаваться в любви, сидя на унитаза. Этот Папильяно – монстр. Кормит просто на убой.

ДАЛИ. Надо походить.

ПИКАССО. Я тебе говорил, что ты ходишь как циркуль?

ДАЛИ. Как циркуль?

ПИКАССО. Что у тебя с коленями?

ДАЛИ. *(Отмахивается)*. А...

ПИКАССО. Болят?

ДАЛИ. Эта боль – сакральное страдание, порождающее в моём мозгу особо извращённые галлюцинации. Мне кажется, что это ни что иное, как глубинная христианская боль, свойственная великим святым и подвижникам. Мысль об этом приводит меня в восторг. Мои колени – это новые стигматы искусства. Дали превратился в циркуль, отмеряющий угол гениальности.

ПИКАССО. Слушай, сколько в тебе пафоса. Так же невозможно. Болят колени – надо лечить. У меня есть знакомый хирург в Париже, чудесник. Кстати, большой любитель моей живописи.

ДАЛИ. Э нет. Уже опасно. Я не хочу иметь ноги в кубическом стиле.

ПИКАССО. А было бы забавно... (*Хохочет*). М-да... Как Гала?

ДАЛИ. Божественна!

ПИКАССО. То есть совсем «божественна»?

ДАЛИ. Совсем, совсем. И нечего здесь ухмыляться. Я добьюсь её канонизации...

ПИКАССО. У меня кандидаток в канонизацию не было. Зато в демонизацию – можно набрать хоть дюжину. Попадались такие чертовки – хоть прямым рейсом в ад. Вспомнить хотя бы Ольгу.

ДАЛИ. О, изящное создание.

ПИКАССО. Пи...да говорящая! Более сумасбродной бабы в жизни своей не встречал. Этот русский характер! Никаких компромиссов... Никаких! Или святые или ну такие грешные, что дьявол рядом с ними, как девственница! Сальвадор, как ты с русской живёшь столько лет?

ДАЛИ. Наверное, это далианская страсть к крайним формам.

ПИКАССО. Тяжёлая страсть.

ДАЛИ. Я знаю...

ПИКАССО. Отдыхай. Для меня наши встречи, это отдых... И от надоедливых баб, которые только и смотрят тебе в карманы. И от детей. Нет, я люблю своих детей, но как так получилось, что некоторые из них – идиоты? Даже от живописи. Сальвадор, в нашем возрасте надо просто делать передышки.

ДАЛИ. Настроение испортил. Чёрт! Дряхлость – вот, что раздражает. Почему эти умники не изобретут какой-нибудь эликсир. Не для всех... Не надо для всех. Пять-десять человек: я, Гала, ты, Матисс, Магритт, Бюнюэль, хотя, можно и без Бюнюэля... Я готов составить список, который поразит всех справедливостью и великодушием...

ПИКАССО. С ума сойдёшь с вами вечно жить.

ДАЛИ. Ну не вечно. Пару тысячелетий...

ПИКАССО. Нет, эти в халатах ничего не изобретут. Они не верят в чудеса. Вот, раньше, в «Кролик» за двойную плату делали такой абсент, что от одного бокала, не то, что молодеешь, в утробу возвращаешься...

ДАЛИ. Поэтому ты так часто рисовал детские картинки.

ПИКАССО. Все люди рождаются гениями: но с возрастом это проходит. А всегда хочется туда... Понимаешь? Хочется бумажных голубей.

ДАЛИ. Дали родился взрослым.

ПИКАССО. Брось... Я видел твои детские фотографии. Я ожидал, что там будет карапуз с залихватскими усами и горящим взором, но ты был похож на инфанту Веласкеса.

ДАЛИ. В то время усы у меня росли внутрь...

ПИКАССО. Никогда не сдаёшься.

ДАЛИ. Нет, это главный далианский принцип.

6.

ПИКАССО. Вот о чём я и хотел поговорить. (*Пауза*). Раз в двадцать лет мы инкогнито встречаемся здесь, в этом уютном местечке у пройдохи Папильяно. Обсуждаем живопись – хорошо. Отдыхаем.

ДАЛИ. Да, если бы репортёры узнали...

ПИКАССО. Не надо. Мы и так бросаем слишком много угля в их топки. И так, это наша последняя встреча.

ДАЛИ. Да. Определённо.

ПИКАССО. Значит, она должна превзойти все мыслимые измерения.

ДАЛИ. О, я понимаю, о чём ты говоришь. Последняя встреча величайших художников человечества должна стать событием поистине сверхчеловеческого масштаба!

ПИКАССО. И у тебя был план?

ДАЛИ. Да. Гениальный план.

ПИКАССО. Позволь мне разгадать его.

ДАЛИ. Порфабор... Но это будет нелегко.

ПИКАССО. Несколько лет я думал, что же приготовил Дали на этот раз? Куда ещё заведёт его безудержная, неуёмная фантазия?

ДАЛИ. Действительно, куда?

ПИКАССО. Этот мир стал настолько чёрств и туп, что удивить его по-настоящему кажется уже невозможным. Но ведь Дали делает только невозможное?

ДАЛИ. Догадался?

ПИКАССО. Да.

ДАЛИ. Я рад, что за время наших молниеносных встреч ты освоил первичные принципы параноидно-критического анализа. Действительно, великие рождаются, чтобы удивлять мелких. Но только самым великим дано удивлять друг друга.

ПИКАССО. Ну, ну...

ДАЛИ. Поэтому единственное, что может вызвать воистину далианское потрясение и мирового сообщества, и великого Пабло Пикассо, сравнимое с двумя мировыми войнами или картинами Вермеера, -- это... *(Пауза)*.

ПИКАССО. Смерть Пикассо...

ДАЛИ. Смерть Пикассо от рук Дали! Гениальное в своей чудовищности и беспринципности решение! Поступок, способный произвести необратимое смещение геотектонических плит искусства.

ПИКАССО. Значит убийство.

ДАЛИ. Нет. Дали не может опуститься до банального преступления.

ПИКАССО. Конечно...

ДАЛИ. Это жертвоприношение, которое станет отправной точкой нового Пикассо-Далианского Евангелия, которое напишу я. Его сила и гениальность будет так велика, что старые религии навсегда отойдут в прошлое. Мир вступит в новую, далианскую эру. Где Дали будет бог-отец, а Пикассо – бог-сын, даровавшие миру благу весть живописного озарения...

ПИКАССО. Придумано великолепно. А способ? Это ведь не может быть что-то тривиальное, например, отравление?

ДАЛИ. Нет.

ПИКАССО. Или стрельба?

ДАЛИ. Упаси бог. К чему этот шум – гам. Запахи...

ПИКАССО. Закалывание острыми предметами? Нет, вижу, что нет. Прости, что унизил тебя подобными подозрениями.

ДАЛИ. Я же не разбойник с большой дороги.

ПИКАССО. Ну извини! Я не хотел тебя обижать, так, ляпнул.

ДАЛИ. Давай, пораскинь мозгами. Если уж Пикассо раскрыл мой замысел, неужели он не сможет разгадать финальную и главную его часть? От этого зависит твоя жизнь. Плохо сказал – твоя смерть.

ПИКАССО. Как благородно. Сколько несвойственного Дали милосердия. Осуждённому перед экзекуцией устраивают небольшую викторину.

ДАЛИ. Ни хочешь, не играй. Это необязательная часть представления.

ПИКАССО. Ну уж нет, я не согласен умирать без развлечений. Итак, грандиозно коварный план Дали раскрыт.

ДАЛИ. В лучших традициях Скотленд Ярда.

ПИКАССО. Неизвестна лишь развязка.

ДАЛИ. Пока...

ПИКАССО. Это должно быть brutally. Удушение усами? Нет? Шея толстовата. Распятие на нестандартной раме? Много возни...

ДАЛИ. Дешёвый пафос.

ПИКАССО. А что если преступный гений Дали зашёл ещё дальше? Смерть – это состояние, в котором все эмоции человека сходятся в одну точку, чтобы исчезнуть навсегда.

ДАЛИ. Так...

ПИКАССО. Это должно быть произведение искусства далианского размаха и чувства юмора. Дали не может обогреть свои руки по-фовистски неразбавленным цветом крови. Значит, убийство совершит не он. Но и не человек. Ну конечно, убийцей должен стать, например, гигантский красный омар, -- главное блюдо этого стола.

ДАЛИ. Bravo Пикассо! Я в тебе не ошибся! *(Хватает гигантского омара, направляет его на Пикассо. Омар вцепляется клешнями в горло ПИКАССО. Тот хрипит, бежит, пытаясь оторвать зверя от горла, падает на колени, задыхаясь).*

ПИКАССО. *(Умирая)*. Какая же ты усатая жо-па... *(Затихает)*.

ДАЛИ. Он умер в истинно далианском стиле. *(Пауза)*. На его могиле напишут «задушен бешеным омаром».

7.

Вбегают ПАПИЛЬЯНО.

ПАПИЛЬЯНО. Боже мой, сеньор Игрек!

ДАЛИ. Он жил здесь как Игрек, а умер как Пикассо. Формула достойная Нобелевской премии.

ПАПИЛЬЯНО. Вы убили его?

ДАЛИ. В словаре Дали нет такого слова. Я даровал ему смерть, как природа даровала ему жизнь. И тот, и другой дар одинаково ценен. Он принял его с радостью. Ты видишь, как он счастлив?

ПАПИЛЬЯНО. Нет.

ДАЛИ. Ну посмотри, как он улыбается.

ПАПИЛЬЯНО. Не вижу.

ДАЛИ. Да он просто в эйфории.

ПАПИЛЬЯНО. Не уверен.

ДАЛИ. А так? *(Руками растягивает на мёртвом лице ПИКАССО улыбку).*

ПАПИЛЬЯНО. Кошмар!

ДАЛИ. Да ты прав, несколько фривольно. *(Возвращает лицу ПИКАССО прежний вид)*. Так хотя бы его можно узнать. Ладно, друг мой, потом будем лить слёзы, а пока неси холст и кисти. Дали будет творить новую религию! Пикассо-Далианское евангелие!

ПАПИЛЬЯНО. А с ним что делать?

ДАЛИ. Понятия не имею. Два взрослых человека, неужели нечем заняться?

ПАПИЛЬЯНО. Так ведь...

ДАЛИ. Мне надо сосредоточиться.

ПАПИЛЬЯНО. Но... *(Идёт к телу)*. Бедный, бедный сеньор Пикассо. Как мы вас любили, я и моя жена. Ну на счёт жены вы сами знаете... Мне будет вас так не хватать... *(Пауза. Поднимает, усаживает труп ПИКАССО. Смотрит на него)*. Сеньор Сальвадор, я единственное, боюсь, что полиции ваш поступок покажется, несколько э-э-э, эксцентричным.

ДАЛИ. Естественно, Дали – это Дали. Любой его поступок эксцентричен.

ПАПИЛЬЯНО. Но в данном конкретном случае, они могут подумать, что эта эксцентричность переходит границы уголовного законодательства.

ДАЛИ. И что?

ПАПИЛЬЯНО. Вас могут посадить в тюрьму.

ДАЛИ. *(Изумлённо)*. Нет!

ПАПИЛЬЯНО. Я бы даже предположил, что посадят наверняка.

ДАЛИ. *(Не веря своим ушам)*. За что?

ПАПИЛЬЯНО. Боюсь, полиция не владеет даже азами далианской философии.

ДАЛИ. Абсурд! Куда катиться этот мир! Я напишу петицию в ООН! Мы добьёмся международного скандала! Папильяно, вы должны что-то придумать...

ПАПИЛЬЯНО. У меня есть чудесный адвокат. Сейчас, я найду его телефон. *(Выбегает)*.

ДАЛИ. *(Мёртвому ПИКАССО)*. Видишь, всё из-за тебя! Безумец... Опять я тебя спасаю. *(Колдует над лицом ПИКАССО. Приклеивает ему усы, похожие на свои. Надевает парик, так, что в итоге ПИКАССО становится очень похож на ДАЛИ)*. Ну вот, наконец, стал похож на человека.

ПАПИЛЬЯНО. Вот! *(Входит с телефонной книгой. Натыкается на ПИКАССО, дико орёт)*. О господи, святая богородица!

ДАЛИ. Тихо, тихо... Позволь представить – мой кузен Дали младший! А?

ПАПИЛЬЯНО. Вы его... того...

ДАЛИ. Нет трупа – нет убийства. Кто такой Пикассо? Не было, не знаем, не видели! Свалим всё на Матисса. А у меня встреча с братом, неизвестным братом, из... Севильи. Почему Икс и Игрек? Чтобы избежать шумихи. Доказательство родства – поразительное портретное сходство.

ПАПИЛЬЯНО. Смущает некоторая пассивность “брата”.

ДАЛИ. Да он просто поражён, он в шоке от встречи с лучезарным Дали. Только посмотрите, как он пытается охватить осмыслить всё величие далианского учения! У него отнялась речь!

ПАПИЛЬЯНО. И не только речь...

ДАЛИ. Он раздавлен! Поражён! Он в острале! Он в состоянии квазирелигиозной экзальтации! Он как бы вопрошает, достоин ли я такого счастья? Увидеть Дали и умереть! *(Пауза)*. Ну, последнее предложение можно опустить.

ПАПИЛЬЯНО. План великолепный – спору нет. Но есть один недостаток.

ДАЛИ. Какой?

ПАПИЛЬЯНО. Время. Как быть с тем, что дня через три ваш брат начнёт, в некоторой степени испаряться.

ДАЛИ. У всех свои грехи! Не спорю, он никогда не был паинькой. Но у него золотое сердце. *(Пауза)*. Не пройдёт?

ПАПИЛЬЯНО. Нет.

ДАЛИ. Дьявол, наша полиция совершенно лишена воображения! Хорошо, другой вариант. *(Неожиданно срывает собственные усы, натягивает фальшивую лысину и становится похожим на ПИКАССО)*. Пикассо жив! А зверски убит величайший гений всех времён Сальвадор Дали. То есть, бывший я. Пикассо, этот монстр, чудовище, исчадие ада, коварно заманил ничего не подозревающего гения. И... Вы следите за ходом моей мысли?

ПАПИЛЬЯНО. *(Кивая на труп)*. Мы следим...

ДАЛИ. И... в порыве зависти, как Брут, подло убил своего благодетеля. Таким образом, во всём обвинят Пикассо, объявят его в розыск, а я, приняв свой естественный далианский вид, победоносно вернусь домой.

ПАПИЛЬЯНО. Так вас же как бы убили.

ДАЛИ. Мелочи. Разошлём пресс-релиз, что Дали повторил опыт Христа, и воскрес! То-то будет шуму... Даже лучше. Вместо Пикассо-Далианского евангелия, будет чисто Далианское!

ПАПИЛЬЯНО. Боюсь, всё откроется.

ДАЛИ. Действительно, сыграть этого монстра невозможно. Он слишком угловат и ограничен. Ладно, сделаем просто. Разрубим его на куски и закопаем в саду. У вас лопата есть?

ПАПИЛЬЯНО. В кладовой... Я посмотрю. *(Идёт к выходу. ПИКАССО загримированный под ДАЛИ оживает и пытается встать. ДАЛИ загримированный под ПИКАССО не даёт ему это сделать. Завязывается борьба. ПАПИЛЬЯНО оборачивается – художники мигом принимают исходные положения)*.

ДАЛИ. Что-то забыли?

ПАПИЛЬЯНО. *(С подозрением)*. Нет, но...

ДАЛИ. Так чего мы ждём? Когда воздух наполнит чарующий аромат разлагающегося трупа?

ПАПИЛЬЯНО. Бегу... *(Он выбегает. ПИКАССО вскакивает, снова борьба, слышен возмущённый шепот. На этот раз в борьбе побеждает ПИКАССО)*.

Голос ПАПИЛЬЯНО. Я взял две ло... *(ПИКАССО укладывает ДАЛИ, также, как только что лежал сам. Входит ПАПИЛЬЯНО)*. ...паты. Я думаю, что мы сделаем это не в саду, а в заброшенном огороде, за фермой. Там... *(Вдруг останавливается и озадаченно смотрит на ПИКАССО, затем на ДАЛИ)*.

ПИКАССО. Что там?

ПАПИЛЬЯНО. *(Не совсем веря своим глазам)*. Бр...

ПИКАССО. Там...

ПАПИЛЬЯНО. Где?

ПИКАССО. В заброшенном огороде.

ПАПИЛЬЯНО. В каком огороде?

ПИКАССО. Папильяно, ты плохо выглядишь.

ПАПИЛЬЯНО. Да... Я и чувствую себя не очень. У меня что-то со зрением. Сеньор Сальвадор, вы мне так напоминаете сеньора Пикассо. А... труп сеньора Пикассо, наоборот... О боже.

ПИКАССО. Вы слишком чувствительный. Нельзя же так, в самом деле.

ПАПИЛЬЯНО. Да, наверное.

ПИКАССО. Выпейте вина.

ПАПИЛЬЯНО. Очень кстати. *(Пьёт)*. Спасибо. Наверное, я люблю и вас, и бедного сеньора Пикассо так сильно, что вы у меня начали сливаться.

ПИКАССО. Бывает. Довольно распространённый синдром.

ПАПИЛЬЯНО. Да?

ПИКАССО. К сожалению, совершенно неизлечимый. Если бы доктор Фрейд был жив, он бы написал по этому поводу свою лучшую монографию...

ПАПИЛЬЯНО. Вы думаете? *(Пауза)*. Да, Фрейд бы здесь не помешал...

ПИКАССО. Не надо быть таким пессимистичным. Сейчас расчленим тело, закопаем его, и всё это забудется как страшный сон. Никаких раздвоений! Буду только я.

ПАПИЛЬЯНО. Посидим две минутки...

ПИКАССО. Помолчим. *(Пауза)*. Хорошо сидим.

ПАПИЛЬЯНО. Да, пора... *(ПИКАССО даёт ему огромный нож. ПАПИЛЬЯНО подходит к лежащему ДАЛИ)*. Простите, сеньор, надеюсь, вам сейчас хорошо и вы видите Корпускулярно-ляпис-лазурное усение... *(Замахивается. ДАЛИ истошно кричит. ПАПИЛЬЯНО падает в обморок)*.

Конец Первого акта.

Антракт.

Акт Второй.

8.

ДАЛИ и ПИКАССО сидят напротив друг-друга сидят в креслах-качалках, по шею накрытые пледами. Неторопливо раскачиваются.

ПИКАССО. Так и будем молчать? *(Ответа не было. Пауза)*. Обижаясь? *(Пауза)*. Обижаясь... Ну извини. *(Пауза)*. Я же сказал, -- извини. Я не хотел, что бы так получилось. Кто знал, что у него слабое сердце... *(Пауза)*. Хороший был человек. Гостеприимный, добрый. И жена у него была хорошая, забыл, как её зовут... *(Пауза)*. Ну не молчи! *(ДАЛИ издаёт неопределённый звук)*. Ну вот, можешь же. Тебе не кажется, что мы как-то идиотски выглядели на похоронах. Зачем ты заставил меня одеть этот чудовищный оранжевый берет? Да и твой серебристый фрак с соболями как-то никого не убедил в нашей печали. Что это за похороны, когда гости отвлекают всех от покойника? *(Пауза)*. Мне будет его не хватать...

ДАЛИ. Мне тоже.

ПИКАССО. Ба! У Дали есть сердце – какая неожиданность. Неужели в великой далианской теории нашлось место обычному милосердию?

ДАЛИ. Пошёл к чёрту.

ПИКАССО. И пошёл бы, если бы знать, куда идти... *(Пауза)*.

ДАЛИ. Здесь есть телефон?

ПИКАССО. Что?

ДАЛИ. Телефон.

ПИКАССО. Домой?

ДАЛИ. Гала в Нью-Йорке. Я обещал быть там завтра.

ПИКАССО. Поедешь?

ДАЛИ. Не хочу. Устал... Дали всем нужен. Дали, как диковинная птица – смысла его речи никто не понимает, но щебечет красиво. Не хочу...

ПИКАССО. Ну так не едь. Пусть катятся ко всем чертям.

ДАЛИ. Гала обидится.

ПИКАССО. Отойдёт.

ДАЛИ. Это всё гонка в никуда. Скитаюсь по миру, как бродячий цирк. И это ещё стоит огромных денег. Я тебе говорил, я стал жуликом? Я начал подделывать собственные картины. Тиражами.

ПИКАССО. Серьёзно?

ДАЛИ. Чего ты на меня так смотришь?

ПИКАССО. Зачем?

ДАЛИ. Не прикидывайся идиотом.

ПИКАССО. Да нет, мне всё равно... Твоё творчество.

ДАЛИ. Конечно, зачем тебе подделывать, если ты можешь писать их по тридцать штук в день.

ПИКАССО. Хоть по сорок, но это картины. И на них моя подпись, а не факсимиле.

ДАЛИ. Ладно, потом ей позвоню. *(Пауза)*.

ПИКАССО. Опять обиделся?

ДАЛИ. Расстроился. Совершенно антидалианское чувство, но ничего не могу с собой поделатъ.

ПИКАССО. Да... Где сейчас бедный Папильяно? Как ему там? *(Появляется ПАПИЛЬЯНО. Он существует отдельно, как бы и не совсем существуя...)*.

ДАЛИ. Там...

ПИКАССО. Там.

ПАПИЛЬЯНО. Можно я немного с вами...

ПИКАССО. Это был твой дом, Папильяно. Конечно можно...

ДАЛИ. Я никогда не верил в рай и ад. Это всё выдумки для простаков. Своим параноидно-критическим методом мне удалось раскрыть истинную метафизику загробного мира. Я понял... Есть место, куда отправляются души маленьких обиденных людей. Место замечательное, просторное, похожее на баварскую пивную. Они там живут все вместе. Там их вкусно кормят, поят, показывают фильмы. Они смотрят футбол на огромном стадионе. Они слушают вместе большой, весёлый ансамбль в золотых костюмах... И вместе им очень хорошо.

ПИКАССО. А другие?

ДАЛИ. А души великих разлетаются в разные стороны, никогда не пересекая свои траектории. Их удел – вечное одиночество в огромных, прекрасных виллах и замках на Лазурном берегу...

ПИКАССО. Одни.

ДАЛИ. Бесконечно одни. Исключение одно: Сальвадор Дали, которому за его гениальность и беспримерную в истории любовь будет дарована вечная жизнь с Гала...

ПИКАССО. Это понятно. Значит Папильяно сейчас хорошо.

ДАЛИ. Странное открытие я совершил на похоронах, глядя на вереницу человечков в чёрных костюмчиках и с кислыми мордочками. Во-первых: только Дали смог постигнуть истинную глубину скорби...

ПИКАССО. А во-вторых?

ДАЛИ. Маленькие люди живут только ради великих. Это единственное объяснение их смысла жизни. Представь себе: всё человечество существовало, развивалось, создавало государства и затевало войны лишь для того, чтобы Да Винчи мог написать свою Джоконду, а ты «Гернику», а я Мадонну Порт-Льгигатта. Папильяно был величайшим из маленьких людей: он открыл смысл своего существования и честно следовал ему до конца.

ПАПИЛЬЯНО. Сеньор Сальвадор... Сеньор Пабло...

ПИКАССО. Ну, ну, меньше этой сентиментальности.

ПАПИЛЬЯНО. За оконном так зябко.

ДАЛИ. Там нет окна, Папильяно.

ПАПИЛЬЯНО. А мне везде мерещатся окна. Разные: большие, маленькие, с красивыми пейзажами, или выходящие в другие комнаты. С рамами и без рам... И в них часто появляются люди, лица, фигуры...

ПИКАССО. Друг мой, ты ушёл от нас, а мы так о тебе ничего и не узнали.

ПАПИЛЬЯНО. В детстве я рисовал картинки мелками на дощечках. Мама говорила, что у меня хорошо получается. Особенно апельсиновые деревья. Сеньор Сальвадор... Сеньор Пабло... В холодильнике остались тортильи и креветочный салат. В чулане вино. И ещё я приготовил для вас молоко. На улице зябко, и очень хорошо – тёплое молоко с цикорием и лимоном. Хотите?

ПИКАССО. Да, друг мой...

ПАПИЛЬЯНО. Я сейчас... *(Вдруг останаавливается)*. Подождите, только как же это я... Я же не могу.

ПИКАССО. Не волнуйся... *(К ДАЛИ)*. Сальвадор.

ДАЛИ. Поздно волноваться.

ПАПИЛЬЯНО. Не могу. Вы простите меня, дурака... Пригласил вас, а сам...

ДАЛИ. Да, это ты подвёл нас, Папильяно.

ПАПИЛЬЯНО. Стыдно... В лужу сел перед гостями. Сердце-то у меня давно пошаливало...

ПИКАССО. Сердце у тебя золотое.

ПАПИЛЬЯНО. У меня? Нет... Слабое у меня сердце. Вот у жены моей, Лусии, другое дело. Встречаю её недавно... Пойдите. Как же это я мог её недавно встретить? Глупость какая-то получается.

ДАЛИ. Обычная Далианская ситуация.

ПИКАССО. Как, ты сказал, её зовут?

ПАПИЛЬЯНО. Лусия.

ПИКАССО. Всё время забываю. И что она?

ПАПИЛЬЯНО. Она... Я ей говорю: вот так и так, приехали. То есть – вы приехали. Она руками всплеснёт. «Вот бы, -- говорит, -- познакомиться».

ПИКАССО. Так мы же с ней...

ПАПИЛЬЯНО. Что?

ДАЛИ. Можно и познакомиться.

ПАПИЛЬЯНО. Да? Хорошо как... А то она здесь. Здесь... За окном. Вы только когда её увидите, не удивляйтесь. Она на меня похожа. Говорят, просто одно лицо. А я это только недавно заметил. Я её там, за окном подожду. *(Одевает чепчик и превращается в ЛУСИЮ)*.

ЛУСИЯ. Я когда ребёночка рожала, доктор спрашивал: на кого похож будет – на маму или на папу? «На сеньора Пикассо», -- говорю. Доктор не понял...

ПИКАССО. Идиоты в любой профессии встречаются.

ЛУСИЯ. А мы с мужем так радовались. Он-то правда меньше. Но всё равно гордый был. А вот теперь и вы тут... Вы тут, а я...

ПИКАССО. Тише, не плач. Ты очень хорошая женщина.

ЛУСИЯ. А сынок как подросток, так и рисовать начал. Карандашом. Затем пером чернильным. Я ему говорю: «Вот Руис, вырастишь, и господин Пикассо возьмёт тебя в ученики». А вы всё ни ехали, не ехали...

ПИКАССО. Занят был. Жизнь такая сейчас, Лусия.

ЛУСИЯ. Жизнь... А... Я вот как узнала, что вы у нас – мне сказал кто-то или это я сама вспомнила. Ой, запуталась... Я начала Руиса искать, а найти не могу. Нигде его нет.

ПИКАССО. Мы его не видели.

ЛУСИЯ. А там, за окном?

ПИКАССО. Здесь нет окна, Лусия. Ты не бойся. Я его найду и определю в школу.

ЛУСИЯ. Пусть картинку рисует. О, глупая... Я же вам, наверное, помешала. Вы тут о важных вещах разговариваете... Я больше никогда не буду вам мешать. Я просто тут посижу тихонечко. Тихонечко, тихонечко, вы и не заметите... (*Отходит в тень*).

9

ПИКАССО. Тебе никогда не казалось, что все мертвецы на одно лицо?

ДАЛИ. Что?

ПИКАССО. Что-то общее. У них у всех в лицах есть что-то общее, как у китайцев.

ДАЛИ. Может быть, не знаю.

ПИКАССО. А я обратил внимание.

ДАЛИ. Это закономерно, смерть на всех одевает свою маску. (*Пауза*). Я часто вспоминаю Лорку... Вспоминаю, как мы вместе проводили время у нас дома. Я, он, моя сестра Анна, были какие-то планы, идеи... Иногда приезжал Бюнюэль. И казалось, что это не закончится никогда.

ПИКАССО. Всё заканчивается.

ДАЛИ. И вот, я старею, хожу как циркуль, а он всё такой же молодой, свежий, красивый, талантливый... (*Появляется ЛОРКА, который очень похож на ПАПИЛЬЯНО*). Моя сестра была влюблена в него по уши. И не только она. Когда мы были рядом, Лорка и Дали, женщины сходили с ума! И как буридановы ослы, точнее ослицы, подыхали, между двумя снопами, не в состоянии выбрать. Тогда у меня ещё не было сверхсексуальных далианских усов, появление которых естественно склонило бы чашу весов в мою пользу. Но когда они отросли, не было уже Лорки...

ПИКАССО. (*ЛОРКЕ*). Братство поэтов и художников – самое естественное братство в мире. Аполлинер дал мне в живописи не меньше, чем я ему в поэзии. Это нормально... У каждого художника должен быть свой поэт.

ДАЛИ. (*ЛОРКЕ*). Я рад, что ты пришёл.

ПИКАССО. Прошу к нам...

ДАЛИ. Знаешь, столько всего произошло, пока тебя не было? Дали изменил мир!

ПИКАССО. Ай...

ДАЛИ. То о чём мы с тобой мечтали, Дали пришло делать одному! Одному биться с гидрой авангарда! Молчит... Как они могли его расстрелять? (*ЛОРКА уходит*). Обиделся...

ПИКАССО. Мы с тобой как два генерала в отставке... Все войны позади, и только старые раны зудят, -- свидетельства прошлых сражений.

ДАЛИ. Но это были великие сражения! Тогда бились титаны. Теперь таких нет... Им нечего доказывать, нечего разрушать. Они хотят быть знаменитыми, эксцентричными, богатыми, хотя вся их эксцентричность сводится к позе

насекомого перед фотокамерой. Их эксцентричность ограничивается диагональю телевизора или газетной полосы. Она измеряется сантиметрами!

ПИКАССО. Когда мы с Фернандой жили в Бато-Лавуар (*Появляется ФЕРНАНДА, очень похожая на ПАПИЛЬЯНО*), ну ты знаешь, эта «дыра» на Монмартре, где были самые дешёвые мастерские... Есть было нечего, и по утрам я ходил к богатым особнякам и тибрил молоко и круассаны, которые к двери доставлял молочник. А Фернанда натренировала своего кота, чтобы он крал кровяную колбасу из других квартир и тащил её к нам... Этот бандит иногда обеспечивал нас отличным обедом!

ДАЛИ. Подумать только: Пикассо тоскует о кошачьей колбасе.

ПИКАССО. Тоскую! Да, тоскую! (*Пауза*). Фернанда сама была как кошка: ленивая и сладострастная. Она неделями валялась на диване, не делая ничего. В полном смысле этого слова – ничего. Могла месяцами не выходить на улицу под предлогом, что у неё нет подходящей одежды или обуви. Её устраивали две вещи: я и диван. Этого было достаточно.

ДАЛИ. Тебе тоже?

ФЕРНАНДА. Пабло... Слышишь меня? (*Пауза*). Нет...

ПИКАССО. Что?

ФЕРНАНДА. Я решила взять учеников.

ПИКАССО. Каких учеников?

ФЕРНАНДА. Не знаю. По-французскому. Найду какого-нибудь иностранца и буду давать ему уроки. Надо же как-то зарабатывать... Почему бы не взять учеников? (*Пауза*). Чего ты молчишь?

ПИКАССО. А что мне сказать?

ФЕРНАНДА. Ну я не знаю. Ну поддержи меня как-нибудь...

ПИКАССО. Фернанда...

ФЕРНАНДА. Идея ведь неплоха?

ПИКАССО. Отличная идея. (*Пауза*). Как идея.

ФЕРНАНДА. А ещё я могу шить. Только надо забрать машинку... (*Зевает*).

ПИКАССО. Ага... А ещё сколько есть неосвоенных профессий. Когда собираешься начать?

ФЕРНАНДА. В понедельник.

ПИКАССО. Почему не в четверг?

ФЕРНАНДА. В понедельник.

ПИКАССО. А сегодня что ты будешь делать?

ФЕРНАНДА. Не знаю. Смотри, Макс принёс мне журналы... (*Зевает ещё раз*).

ПИКАССО. Журналы...

ФЕРНАНДА. Ты говоришь так «журналы», как будто я не знаю... Как будто я ни на что не способна.

ПИКАССО. Ты уже четыре раза начинала работать.

ФЕРНАНДА. Всё откладывалось.

ПИКАССО. Потому что...?

ФЕРНАНДА. Потому что откладывалось. Я не помню. У меня были месячные. Мало ли почему... (*Пауза*). Пабло...

ПИКАССО. Что?

ФЕРНАНДА. Я немного полежу, а? А вечером ты меня разбуди. Будем ужинать.

ПИКАССО. Чем?

ФЕРНАНДА. Придумаю что-нибудь. Что-нибудь... И завесь окно, ладно?

ПИКАССО. Здесь нет окна... Помню, зимой было жутко холодно. На уголь денег не было, и мы днями не вылезали из-под одеяла. Из рта шёл такой пар, как из трубы паровоза братьев Люмьер. Фернанда высовывала личико на пять минут, шептала мне что-то, смеялась, а потом снова ныряла... И я чувствовал там, внизу её ледяные губы и жаркое дыхание... Что это было?

ДАЛИ. Дешёвая романтика. Любовь сусликов, под медным тазом. Дали показал миру как надо любить женщину! Элюар не мог оценить Галу, как туземец – жемчужину. Я отобрал её у него. Безжалостно, как Кортес отобрал землю у Ацтеков. Я завоевал её. И завоевав, бросил к её ногам весь мир! Дали обожествил её. Дали стал жить ради неё. Дали стал творить во имя её. Дали поставил свою любовь к ней в центр мироздания. Кто ещё мог себе это позволить? Никто! Только два «Д» -- Дали и Дон Кихот.

ПИКАССО. А может, ты заблуждаешься... И Гала...

ДАЛИ. Перестань... Ты всё равно не скажешь мне то, чего я не знаю. Пусть всё останется так до конца.

ПИКАССО. А ты ещё больший романтик, чем я.

ДАЛИ. Да, наверное. Я построил совершенный мир на одной любви к несовершенной женщине – что может быть прекраснее? Что может быть величественнее?

ПИКАССО. Ничего... Это правда, ничего. Из тебя вышел бы замечательный Дон Кихот.

ДАЛИ. Если бы Сервантес знал Дали, его роман стал бы во сто крат гениальнее. Двадцатый век – век борьбы с ветряными мельницами.

ПИКАССО. Живопись больше не будет такой как прежде, Сальвадор. Рыцарских времён не вернуть...

ДАЛИ. Да. *(Пауза)*. Мне надо позвонить в Нью-Йорк. *(Направляется к телефону)*.

ПИКАССО. *(Вдогонку)*. И пусть знает... Пусть она знает, что ей чертовски повезло с тобой. Так и передай...

ДАЛИ. Как она тебя не любит, Пабло. Ты не представляешь... *(Выходит)*.

ПИКАССО. Представляю. Для жены художника это нормально. Даже для божественной жены. *(Пауза. ДАЛИ возвращается)*.

ДАЛИ. Нет в номере. Ушла с другом... *(Пауза)*. Ушла с другом...

ПИКАССО. Ясно.

ДАЛИ. *(Взбешённо)*. Что тебе ясно?! Что тебе может быть ясно?!

ПИКАССО. Успокойся... Какая теперь разница.

ДАЛИ. Хватит! И ты мне никто, чтобы говорить «успокойся»!

ПИКАССО. Не те времена. Сезанн, Ренуар, Тулуз Лотрек, Матисс, Брак, Модильяни, Шагал, Дерен, Вламинк, Ван Донген, Утрилло, – десятки, сотни талантливых людей на маленьком деревенском пятачке Холма. Я тоскую без Аполлинера. Без Альфреда Жари. Без «Четырёх револьверов»... Ни телевидения, ни радио, ни самолётов, ни этих... компьютеров. Даже автомобиль был экзотикой. Такое больше не повторится... Никогда...

ДАЛИ. Меня тянуло в Париж. Бюнюэль... Но я приехал туда слишком поздно. Все это «общество» не для меня...

ПИКАССО. Скольких Холм родил.

ДАЛИ. Скольких и сгубил...

ПИКАССО. Это правда. Когда мне сказали, что Модильяни покончил с собой *(ФЕРНАНДА превращается в МОДИЛЬЯНИ, очень похожего на*

ПАПИЛЬЯНО) – а к тому времени он уже перешёл на кокаин, это был жуткий удар. Жуткий...

МОДИЛЬЯНИ. Опиум даёт свободу.

ПИКАССО. Не верь китайцам.

МОДИЛЬЯНИ. Все думают, я ничего не понимаю. Модильяни – пьяница. Модильяни – наркоман. Модильяни паршивый итальянский ублюдок. Не правильно. Я всё понимаю...

ПИКАССО. Где ты сейчас?

МОДИЛЬЯНИ. Там...

ПИКАССО. Где там?

МОДИЛЬЯНИ. Они дали мне нож и сказали, если будет у тебя враг – убей его. Очень просто. Будет враг – убей его.

ПИКАССО. Цыгане?

МОДИЛЬЯНИ. Цыгане, да.

ПИКАССО. Ты очень плохо выглядишь. Больным...

МОДИЛЬЯНИ. Нет. Модильяни – самый красивый итальянец в Париже. Женщины без ума от меня. Женщины без ума от итальянцев. Ты можешь мне одолжить... А впрочем. *(Махает рукой)*.

ПИКАССО. С цыганами поосторожней.

МОДИЛЬЯНИ. А что? У меня нечего взять. Картины... Им не нужны мои картины. Мне не нужны мои картины. Тебе не нужны мои картины. Никому не нужны мои картины.

ПИКАССО. Где ты сейчас?

МОДИЛЬЯНИ. Зброшенный дом недалеко от Фреде. Окна как пустые глазницы. Окна, да... Я тебе не говорил, я научился управлять временем. Чем бессмысленнее его проводишь, тем оно послушнее. Управлять можно только тем, что не имеет над тобой власть.

ПИКАССО. Слушай... *(Внезапно МОДИЛЬЯНИ подставляет нож к горлу ПИКАССО)*.

МОДИЛЬЯНИ. Ты ко мне не лезь. Сейчас не надо ко мне лезть. *(Внезапно начинает напевать цыганскую песню)*. Скотовьё. Мещанское скотовьё. Ты думаешь, это я фантом? Нет, это ты фантом!

ПИКАССО. Я уже жил на Монпарнасе, как настоящий буржуа, с горничными, приёмными часами, зваными обедами... Чёрт. А он перебирался из одной вшивой дыры в другую. От алкашей к цыганам... Помню, увидел его на улице. Он сидел на скамейке и пил с Утрилло. «Эй Пикассо, тащи кассу» -- заорал мне Утрилло. Тогда он уже совсем спивался, и мог лишь срисовывать простенькие пейзажи с почтовых открыток. А Модильяни... Он подозвал меня и показал мне картину, которая валялась у его ног. «Сто франков», -- сказал он. А потом подумал и добавил. – «Бери даром». Это была чудесная картина. Великая... Бесценная. А для него она не стоила ничего... *(МОДИЛЬЯНИ уходит)*.

ДАЛИ. Искусство не стоит ничего. Ни франка, ни доллара, ни марки! Продажа картин – мошенничество чистой воды. Все художники мошенники. Есть бездарные мошенники, есть гениальные мошенники. Но все мошенники!

10.

ПИКАССО. Наше время подходит к концу, Сальвадор. Размазывать сопли будем дома. Сюда мы приехали не за этим. Решайся, или сейчас или никогда.

ДАЛИ. Не терпится? *(Пауза)*. Ладно. Ты прав, хватит игр. Дали готов. *(Они надевают рабочие фартуки, закатывают рукава)*.

ПИКАССО. Мне всегда не терпится. Запах, чувствуешь...

ДАЛИ. Охра?

ПИКАССО. Настоящая... Охра, Лазурь, а вот, такой свинцовый, металлический запах... Белила. Оранжевый... Я научился узнавать их по запаху. Как животное! Если мне закрыть глаза и подвести к картине, я увижу ей носом.

ДАЛИ. Вероятно, мне, чтобы в очередной раз превзойти Пикассо придётся научиться смотреть на картины задницей. Ягодичное зрение – ещё один из бесчисленных талантов великого Дали!

ПИКАССО. Придётся носить с собой стремянку. Не очень удобно.

ДАЛИ. Гениальность не может быть удобной. Тем более эксцентричная гениальность.

ПИКАССО. Я готов.

ДАЛИ. *(Устанавливают мольберт)*. Холст. Великолепно. Речь.

ПИКАССО. Только коротко, я тебя умялю.

ДАЛИ. Итак, Дали и Пикассо встречались не просто так. У великих художников – есть великая цель. Создать картину, которая затмит всю историю мировой живописи. Картину – эталон! Проматерь всего грядущего искусства! Ради этого мы, Дали и Пикассо в течении многих лет как полководцы вели орды художников в разные стороны, чтобы теперь, в конце жизни завершить круг и встретиться вновь здесь, на этом холсте!

ПИКАССО. Какими ты будешь кистями?

ДАЛИ. Что?

ПИКАССО. У меня есть из конского волоса, а есть вот эти, посмотри.

ДАЛИ. Вот эти помягче...

ПИКАССО. Да, неплохие. *(Пауза, готовятся)*.

ДАЛИ. Готов?

ПИКАССО. Ты знаешь, какое-то такое ощущение... Новое.

ДАЛИ. Боишься?

ПИКАССО. Ну что-то вроде... Нет, подожди. Не могу, что-то стесняет, что-то стягивает. *(Пауза. Смотрит на ДАЛИ)*. Что-то приземляет.

ДАЛИ. Знаешь, какая у меня мечта? Лежать абсолютно голым, весь с ног до головы облепленный мухами...

ПИКАССО. К чёрту мух... Художник – это чистый дух, его не должно ничего стеснять. Чтобы написать эту картину, нам надо освободиться от всех оков. Пикассо и Дали в чистом виде – два гения и ничего больше. А? *(Несколькими движениями они сбрасывают с себя всю одежду, оставаясь только в рабочих фартуках)*.

ДАЛИ. Можем приступать?

ПИКАССО. А если... херня выйдет?

ДАЛИ. Лучше гениальная херня, чем бездарная удача. Я делаю первую линию. *(Дали подходит и проводит на холсте линию)*. Сто тысяч.

ПИКАССО. Что?

ДАЛИ. Магия Дали. Теперь этот кусок холста можно продать за сто тысяч. Сделай пару мазков и его цена подскочит до трёхсот. Экономическое чудо, как у японцев. Попробуй... *(ПИКАССО подходит и делает несколько линий)*.

ПИКАССО. Ладно, на деньги плевать. *(Пауза)*. Что я, один буду карячиться? За работу, друг мой!

ДАЛИ. Великий параноидно-критический метод Дали, подсказывает мне, что надо начинать с перспективы... Вот... *(Они заслоняют картину, усиленно работая над ней)*. Это клякса? Давай сотру...

ПИКАССО. Дурак...

ДАЛИ. Я просто пошутил.

ПИКАССО. И здесь твоя баба вырисовывается?

ДАЛИ. Я не могу без Галы. Да, у неё не все дома, но она само совершенство. Она моя муза... Без неё мой гений не проявится во всей красе...

ПИКАССО. Если я начну всех своих баб...

ДАЛИ. Концентрируйся на хорошем. Вот здесь не хватает какой-то сюрреалистической детали. С твоего позволения... *(Меняются местами, продолжают писать)*. Работа, работа, работа...

ПИКАССО. Ты стал мне на ногу!

ДАЛИ. Перестань орать, истеричка!

ПИКАССО. Слезь с моей ноги!

ДАЛИ. Не знал, что в тебе столько желчи... Ты же испанец, будь великодушен.

ПИКАССО. У тебя есть?.. *(Ищет что-то на палитре)*. А нет, я нашёл... Мне надо было немного вишнёвого тона. Отлично..

ДАЛИ. Скажи честно, если бы ты не стал живописцем, кем бы ты стал?

ПИКАССО. Садовником... А ты?

ДАЛИ. Разводчиком африканских мух. Великолепных породистых мух, с жёлтым позолоченным брюшком и шершавыми ножками.

ПИКАССО. Боже, чем у тебя голова забита.

ДАЛИ. Мы совершенно недооцениваем возможность мух, как домашних животных. Они замечательно поддаются дрессировке. А наиболее сообразительные могут даже проявлять симпатию не хуже кокер-спаниэлей. *(Проходят часы и дни, меняется обстановка, а они всё продолжают работать)*.

ПИКАССО. По-моему готово.

ДАЛИ. Последний штрих. По-моему тоже. *(Отходят от картины – там нелепая смесь сюрреализма, кубизма, разных элементов картин ДАЛИ и ПИКАССО)*.

ПИКАССО. М-да...

ДАЛИ. Мне кажется, свет как-то... Может её... Или?..

ПИКАССО. Говно.

ДАЛИ. Что?

ПИКАССО. Говно.

ДАЛИ. Нет, почему... Готов поспорить. Не всё так однозначно.

ПИКАССО. Говно.

ДАЛИ. Важно знать контекст.

ПИКАССО. Всё равно говно.

ДАЛИ. Не всегда всё получается сразу...

ПИКАССО. Вот я и говорю...

ДАЛИ. Хватит! Не хочу больше слышать этого слова!

ПИКАССО. Тебе приятней на него смотреть?

ДАЛИ. Оно будет стоить миллионы!

ПИКАССО. Мне плевать, сколько стоит говно и кто его покупает. Я уезжаю. Изначально это была плохая затея.

ДАЛИ. Значит всё, да? Пикассо разочаровался... А ради чего тогда эти встречи? Эти разговоры? Эти розыгрыши? Ради чего?

ПИКАССО. Не забудь позвонить Галле.

ДАЛИ. Ты будешь отвечать?

ПИКАССО. Зачем? Понятия не имею. Нет смысла. Нет, не было, и не будет. Искусство – это состояние абсолютной бессмысленности. Я просто хотел с тобой повидаться. (*Пауза*). Напоследок.

ДАЛИ. А эта? (*Указывает на картину*).

ПИКАССО. Чёрт с ней. Мы уже натворили дел, теперь-то чего рыпаться. Надо помочь этому, Руису. Папильяно сказал он меня похож... Да и дома дел невпроворот. Если выехать сейчас, успею на рейс до Парижа.

ДАЛИ. И всё бросить...

ПИКАССО. Здесь уже не интересно. Здесь... Но там, мы ещё повоюем. Где моя шляпа, а?

ДАЛИ. (*Вынимает из-под себя*). Прости, я на ней посидел немного. Смотри, как мило получилось...

ПИКАССО. Усатая ты жопа!

ДАЛИ. Я тоже был очень рад тебя видеть... В последний раз.

Акт Третий.

11.

ПАПИЛЬЯНО. Момент, когда фантазия обретает плоть и кровь – главный момент бытия. Соединение миров – четырёхмерного мира материи и смертных людей, и внемерного, безграничного мира гениальных фантазий происходит через малюсенькие окошки картин и страниц. Мы пришли сюда, чтобы заглянуть по ту сторону окна. Они – чтобы заглянуть по эту. Когда наши глаза встречаются, начинается искусство...

На сцене появляется ДАЛИ, но теперь он ОГРОМНАЯ УСАТАЯ ЖОПА.

ПАПИЛЬЯНО. Знакомые предметы, лица, пейзажи теряют свои прежние очертания, и предстают перед нами в своём истинном виде.

С другой стороны выходит ПИКАССО, который теперь стал одной из АВИНЬОНСКИХ БАРЫШЕНЬ.

ПАПИЛЬЯНО. Простая правда сущностей открывается перед нами, и всё вокруг начинает казаться другим.

Действительно, сцена начинает меняться, пространство преобразуется.

ПАПИЛЬЯНО. Время перестаёт быть бухгалтером нашей жизни. Его касса открывается, и мы становимся владельцами бесконечного богатства...

Появляются знаменитые бесформенные часы ДАЛИ.

ПАПИЛЬЯНО. Угол зрения становится геометрически неизмеримым, а расстояния теряют своё значение. Воздух обретает цвет. И каждый вдох окрашивает лёгкие и вены, превращая их в жирные линии тайных картин...

Начинают появляться странные люди и предметы с картин ПИКАССО.

ПАПИЛЬЯНО. Всё это наполняет нас странным, опьяняющим желанием стать бесформенным, потерять собственную перспективу, ощутить новую сладострастную сексуальность фрейдистской мечты...

Появляются сексуальные символы ДАЛИ: огромные члены, странные груди, вагины, сосуществующие в странных отношениях.

ПАПИЛЬЯНО. Свет теряет власть над тенью. Отныне свет призван не освещать, но светить. Его скорость больше не подчиняется законам Эйнштейна...

Появляются всё новые образы из картин ПИКАССО и ДАЛИ.

ПАПИЛЬЯНО. Красота перестаёт быть формой прекрасного. Восхищение теперь граничит с безумием...

Мы видим чудовищные, но прекрасные образы ПИКАССО и ДАЛИ.

ПАПИЛЬЯНО. Любимые люди и друзья распадаются на корпулсулы любви... Их режут с нежностью на лоскуты, как торт на день рождение мамы. Их взрывают, им ломают руки и выковыривают глаза, им расщепляют головы, демонстрируя безграничную силу любви и дружбы...

Появляются портреты ПИКАССО своих женщин и друзей. А с другой стороны портреты ДАЛИ Поля Элюара, Пикассо, Галы и др...

ПАПИЛЬЯНО. И когда закрыв глаза, к вам придёт последний сон, вы увидите мир прекрасным...

Появляются образы «голубого» и «розового» периода ПИКАССО: циркачи, девочка на шаре и др. А также лучшие образы картин ДАЛИ. И всё это начинает какой-то чудесный, великий танец...

ПАПИЛЬЯНО. И вам захочется смеяться и плакать, и взять в руки кисти, и говорить слова... И вам покажется, что вы летите, и нет больше ни зла, ни добра, ни горя, ни счастья, и только лёгкость вознесения переполняет грудь... Но придёт время, и всё померкнет.

Свет уходит. Остаётся одно окно, а на подоконнике стоит маленькая свеча.

ПАПИЛЬЯНО. Останется лишь последняя свеча в последнем окне... Сердце защежит, станет грустно и тихо. И каждый блик, каждый трепет маленького огонька будет так дорог и любим, как не были величайшие повороты истории... Надежда обретёт плоть и форму, и крепко-крепко обнимет душу. И когда свеча догорит, взгляды встретятся в последний раз. Окно закроется. И больше не откроется никогда...

23.05.2004